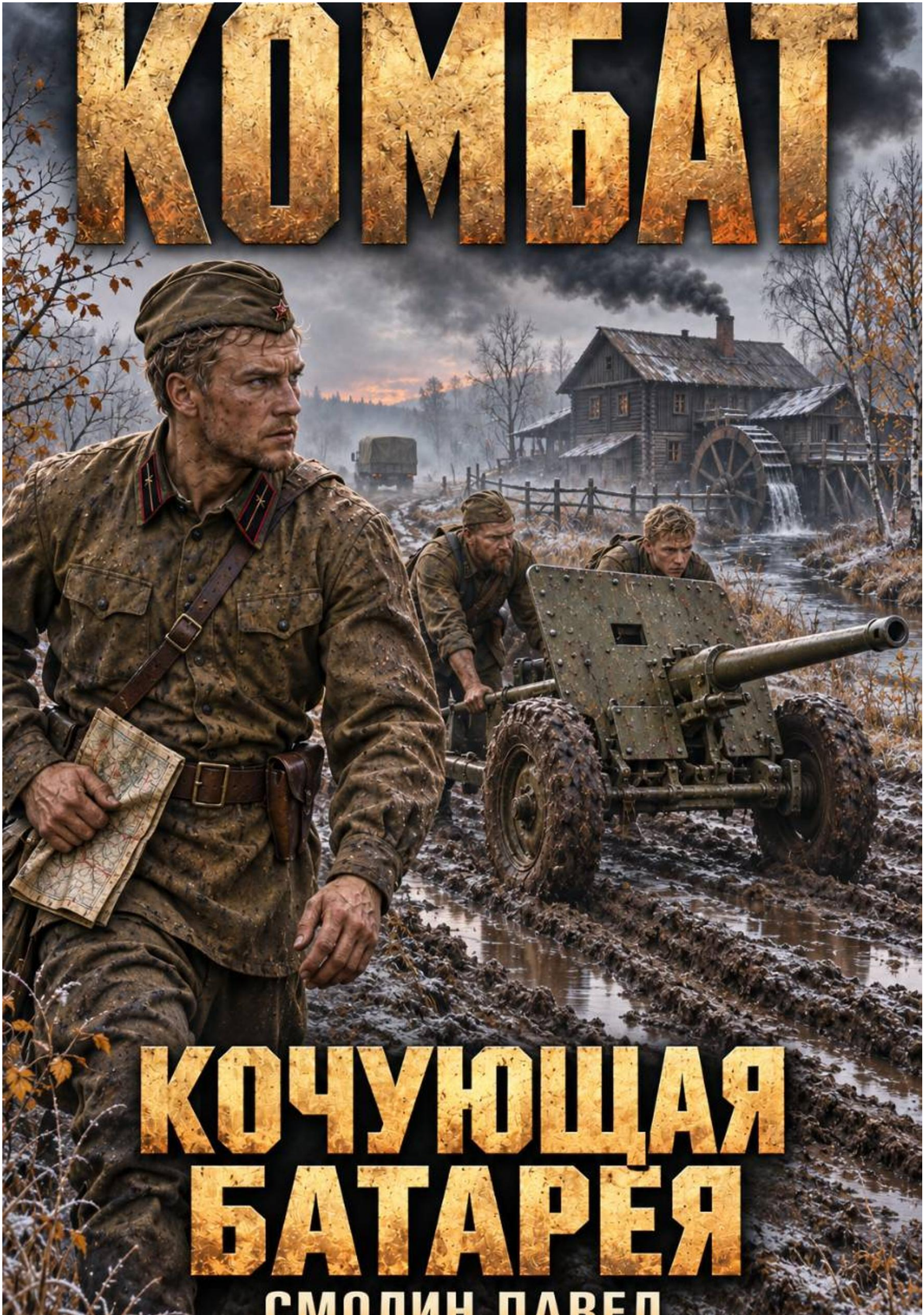
КОМБАТ

КОЧУЮЩАЯ БАТАРЕЯ

СМОЛИН ПАВЕЛ

Комбат

Павел Смолин

Комбат 2: Кочующая батарея

«Автор»
2026

Смолин П.

Комбат 2: Кочующая батарея / П. Смолин — «Автор», 2026 — (Комбат)

Потерянную пушку можно заменить по заявке. С людьми у Михаила Каменева так не выходит. Он ещё не дописал бумагу на пополнение, а батарею уже зовут на выручку. За Сухим ручьём зажат пехотный дозор. Раненых надо вытащить до темноты, и к бою готово всего одно орудие.Попаданец из будущего, Каменев собирает батарею заново между боями. Пока расчёты чинят машины и принимают пополнение, пехота уже ждёт их у мельницы. По донесению людей оттуда вывезли. А боец, который добрался до своих, просит помочь ему сдержать обещание. Он сказал товарищам, что вернётся за ними.

© Смолин П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Павел Смолин
Комбат 2: Кочующая батарея

Глава 1

Я вывел «Орудие дивизионное, 76-мм, одно» и задумался, как написать про людей.

Пушка требовалась взамен потерянной. Тут всё было ясно. С людьми получалось хуже. На бумаге вместо выбывшего человека можно было поставить другого, и строчка сходилась. У первого орудия Белов уже десятый раз перекладывал пустую гильзу, а Лобанов всё ещё стоял рядом. Вот и попробуй напиши, сколько у тебя заряжающих.

Кулешов подошёл за котелком. Я приподнял его, чтобы старшина мог вытащить из-под донышка угол листа. На бумаге осталось полукруглое жирное пятно.

— Теперь видно, что заявление от сытого человека, — сказал он.

— Человек одну кашу с утра получил. Пусть начальство завидует.

— С утра? Я вам вчера тоже давал.

— Вчера не считается.

— Это смотря где. У меня вчера и сегодня в одной ведомости.

Он соскрёб с ложки кашу о край котелка, накрыл его крышкой и достал из-за пазухи сложенный вчетверо лист. Ночью старшина начал записывать, что лежит в каждой машине. Я предполагал, что он внесёт туда ящики, тенты и инструмент. Он внёс даже сколько человек можно положить в кузов после того, как ящики вытащат. Против машины Кравцова стояло: «Вещи Мухина, один свёрток». Строчка была перечёркнута.

— Передал? — спросил я.

— Сумку и что в ней было. Свёрток тоже. Кравцов расписку принёс. Только там написано, что приняли при раненом, а кому дальше передали, ещё неизвестно.

— Узнаем.

Старшина посмотрел на меня, пожал плечом. Оба мы знали, как это бывает. За человеком уже закрыли борт машины, дальше тебе остаются фамилия в списке и направление, которое могли поменять за первым поворотом.

У дороги засвистели. Свистнули раз, потом ещё. Кулешов спрятал ведомость, а я увидел посыльного, который утром приносил распоряжение. Он бежал с расстёгнутым воротом и придерживал полевую сумку обеими руками. За ним шёл Красавин. По тому, как он переступил через канаву, стало ясно: прикажи ему кто сейчас пробежать хотя бы столько же, сколько посыльный, он сначала спросит зачем, а потом всё равно пробежит.

— Зорин где? — спросил он.

— Спит. Что случилось?

— Наш дозор задержался за Сухим ручьём. С той стороны их прижимают к дороге. Пехота своих видит, добраться не может. От вас нужна поддержка, пока они будут выходить.

— Сколько человек?

Красавин кивнул посыльному.

— Вышли девять, — сказал тот. — Один добрался до своих, его отправили доложить. Он видел ещё семерых, пока бежал. У них один лежачий, может, двое.

— Кто видел, как они собираются выходить?

Посыльный глянул на Красавина.

— У дороги ждёт их человек, — сказал тот. — От него узнаете. Дозор к полудню должен был вернуться. Сейчас бы нам хоть до темноты управиться.

— У вас три орудия, — сказал Красавин. — Мне доложили, что готовы.

— Все три на месте. Про готовность я ещё собирался доложить.

— Сколько можете дать сразу?

Я глянул на Лобанова. Он держал Белова за локоть и что-то говорил ему на ухо, чтобы не слышал весь расчёт. Возле остальных орудий лежали раскрытые ящики с имуществом. Лапин присел около колеса и стягивал рукавицу зубами. Яшин после осмотра ноги так и не лёг. Сидел на подножке, положив ладони на колено, и с того места следил за своими.

— Одно сейчас, — сказал я. — Как только проверю остальные, доложу.

— Этого хватит, если быстро. Людей оттуда просят забрать, и всё.

Он помолчал. Посыльный успел отдышаться и теперь старательно смотрел мимо нас.

— Заявку дай сюда, — сказал Красавин. — Отвезу сам. Там будет с кого спросить, если застрянет.

Я взял лист, дописал требование на транспортный ремонт, поставил подпись. Красавин сложил его пятном наружу. Прежде чем он убрал лист, я увидел, что графу про людей так и оставил пустой.

— Пополнение отдельно сообщу.

— Сообщишь, — сказал он. — Только по именам пока никого не обещаю.

Мы разошлись. Посыльный пошёл со мной, на ходу застёгиваясь. Кулешов наклонился к поваленному стволу, поднял котелок, передал его пробегавшему мимо Осипову и сказал:

— Поставь к моим вещам. Второй раз сегодня обедать он не будет, а котелок казённый.

* * *

Зорин уже не спал. Лежал на боку на еловых ветках, с открытыми глазами. Под голову сунул планшет, как иной кладёт полено, лишь бы не лежать лицом в земле. Когда я присел рядом, он сел, но застёгивать шинель начал с нижней пуговицы и загнал её не туда.

— Полчаса было? — спросил я.

— Не знаю. Сколько надо, столько и было.

— Сейчас к пехоте. У них дозор за ручьём. Найди человека, который оттуда вышел. Мне нужно знать, где свои и чего от нас ждут. Посыльного возьми.

Зорин передвинул пуговицу и поднял голову.

— Кто у них принимает людей?

— Это ты у них и спросишь. От меня: обещаем пока одно орудие. Когда встретишься с командиром, пусть назначит место, куда понесут лежачих. Рябцева отправлю туда, как скажешь куда.

Он поднялся, прижал планшет к животу. Ремень оказался под шинелью. Пока он вытаскивал его, я едва не повторил всё сначала. Зорин перехватил мой взгляд.

— К пехоте, человек из дозора, место для раненых, — сказал он. — Одно орудие. Я понял, Михаил Алексеевич.

И ушёл.

Лобанову я сказал о задаче при всём расчёте. Он выслушал, посмотрел в сторону дороги и подозвал Сазонова, который, присев возле ящика, отдирал от рукава прилипшую дранку.

— Егор, собираемся. Гена, сколько выстрелов у первого?

Брянцев отозвался от штабеля. Накануне он помогал дописывать адрес на письме Чумаковым. Сейчас он уже знал, сколько у Лобанова на руках, и сколько старшина отдаст, если попросить.

— По батарее двадцать пять, — сказал он. — Из них у нас девять. Остальное сверили с Лапиным и Абрамовым.

— Девять берём, — сказал Лобанов. — Белов, чего стоишь?

Белов держал учебную гильзу. Поглядел на неё так, будто не мог вспомнить, откуда она взялась у него в руках. Потом поставил на ящик и взялся за крышку. Гильза покатилась. Сазонов поймал её у самого края.

— Давай сюда, — сказал он.

Я хотел спросить Лобанова, нельзя ли на первый раз поставить вместо Белова Осипова. Уже набрал воздух. Лобанов увидел, что я смотрю на молодого.

— Он умеет, — сказал сержант.

Белов стоял к нам спиной. По тому, как перестали двигаться его плечи, было понятно, что слышит.

— Хорошо, — сказал я. — До выезда доложишь.

У Лапина пушка была готова, люди собрались, а машина стояла с открытым капотом. Зорин отвёл Лапину освободившийся второй номер. Орудие у него было прежнее, с которым он перешёл мост. Водитель ругался на резьбу, которую не было видно даже ему самому, и велел державшему лампу бойцу спуститься с нею чуть ли не под землю. У Яшина осталась часть людей с потерянного орудия, и он по привычке уже готов был отправить их сам, когда услышал, как я спрашиваю про резерв.

— Через Зорина, — напомнил я.

— Лейтенанта нет.

— Доложи мне и жди здесь. Люди понадобятся, если привезут раненых. Кто у тебя может носить?

Яшин назвал двоих. Щеглова попросил оставить при машине. Тот как раз проходил мимо с дощечками и, услышав фамилию, остановился.

— К старшине потом сходи, — сказал ему Яшин. — Он свои доски искал.

— Это они и есть.

Яшин проводил его взглядом.

— Михаил Алексеевич, Лобанова одного посылаете?

— Пока одного.

— Тогда Лапина пусть до готовности доводят. Хоть здесь будет кому сесть за рычаги, если понадобимся.

Я поймал себя на том, что собираюсь заново объяснить человеку задачу, которую он только что сам предложил.

— Доводи, — сказал я. — До возвращения Зорина.

У ручья первые выстрелы прозвучали ещё до того, как я добрался до пехоты. Стреляли редко. По звуку я бы не сказал, сколько там людей. Пехотный сержант, который встретил меня у изгороди, всякий раз вскидывал голову на звук.

— Мои, — сказал он после очередного одиночного. — Синицын так стреляет. Он каждый раз выжидает.

— Ты его видишь?

— Отсюда нет.

Зорин нашёл бойца из дозора в пустом доме. Тот сидел на табурете, нагнувшись так низко, что мокрые волосы падали ему на глаза. Кто-то дал ему воды. Он держал кружку перед собой и всё забывал пить. На правом сапоге вместо подошвы болтался тёмный лоскут.

— Вот до этого места он видел своих, — сказал Зорин. — Потом выбежал к дороге. Старший остался у ручья. Они ждут, пока мы дадим им выйти. С той стороны их держат возле сарая.

Он показал мне сарай через выбитое окно. Из дома виднелся угол крыши и тёмная полоса под деревьями. За нами сержант снова сказал: «Синицын», уже тише, будто окликал по имени.

— А куда они раненого потащат? — спросил я.

— За дом, к колодцу. Там наши, — ответил сержант. — Носилки нашли одни. Вторые Рябцев обещал принести.

Зорин коротко кивнул. Рябцев, значит, уже на месте. Я спросил бойца на табурете, кого он видел лежащим. Тот назвал Ситникова. Остальные могли идти, когда он уходил. Сержант спросил про Синицына. Боец поднял на него глаза.

— Синицын меня послал. Сам последним пойдёт.

Белов с расчётом подошёл следом за Лобановым. Рукавицы он сунул за ремень, и одна уже сползла до колена. Пока Лобанов слушал Зорина, я поднял рукавицу, подал Белову. Парень взял её так, словно я поймал его на чём-то постыдном.

— Положи в карман, — сказал я.

Он открыл рот, помедлил.

— Я знаю, чего делать, товарищ старший лейтенант. Только я раньше всё время с другой стороны стоял.

— Сержант знает?

— Он меня сам переставил.

— Вот и спросишь у него, если забудешь.

Белов сунул обе рукавицы в карман и побежал догонять своих. У калитки Лобанов окликнул его, дождался и пошёл рядом. Я остался у дома с Зориным. Пехотный сержант вышел за дверь, вернулся с сапогом и бросил его бойцу на табурет.

— Второй сам себе добудешь. Больше моего размера нет.

* * *

Когда заговорило наше орудие, стёкла в пустых рамах уже дребезжать не могли. Зато с печи сыпалась сухая известь. Она падала в чугунок, забытый на полу, и была слышна в коротких промежутках между выстрелами. Пехотный сержант ушёл к своим. Зорин стоял снаружи и время от времени заглядывал в окно, чтобы передать то, что видел с дороги.

Первым из-за ручья выбрался боец, который волочил Ситникова на шинели. Рябцев с помощником выбежали им навстречу. Шинель зацепилась за замёрзший край колеи, и все четверо остановились разом. Я видел, как Рябцев нагнулся, увидел кровь под ногами и махнул своим, чтобы не дёргали. Они перенесли раненого на носилки посреди дороги. Боец, волочивший шинель, отошёл на два шага и сел. С дороги его увёл тот, кто вернулся первым.

Потом долго никто не показывался. Мне казалось, достаточно выйти из дома, пройти вдоль забора, и я увижу то, что загораживает сарай. Я уже взялся за подоконник, когда Зорин заглянул внутрь.

— Ещё трое, — сказал он. — Одного ведут. Просят подождать.

— Кто просит?

— Сержант. Говорит, старшего пока нет.

Пехотный сержант появился у колодца, повёл рукой. Я решил, что он зовёт носилки, и уже хотел окликнуть Рябцева, но Зорин первым понял жест и ушёл к орудию. Пока я смотрел ему вслед, вдоль изгороди прошли ещё двое. Передний, с ободранной щекой, держал второго за пояс, хотя сам едва переставлял ноги. У колодца их приняли. Второй ухватился за сруб и выругался, когда его попытались усадить.

Стрельба стихла. Куда-то под откос ещё посыпалась земля. Я вышел из дома и теперь мог слышать, как у колодца пехотный сержант считает людей. Он сбился на имени и начал сначала.

— Синицын где?

Человек с ободранной щекой повернул голову. Сержант шагнул к нему, узнал и ухватил за рукав.

— Думал, последним тебя на себе потащат.

— Тащат, видишь. Туда тащат, сюда тащат, всё им мало.

Он улыбнулся одной стороной рта, и сразу стало видно, как ему больно. Сержант опустил взгляд на собственную руку, которой всё ещё держал его за рукав, и разжал пальцы.

— Где девятый? — спросил он.

Обернулся тот, кто вернулся первым. Сапог с оторванной подошвой он снял и поставил босую ногу поверх другого.

— Тимохин там остался, — сказал Синицын, обращаясь к нему. — Я до него дошёл.

Боец поставил ногу на землю. Оба стояли, смотрели друг на друга. Сержант выдохнул и пошёл искать карандаш.

Рябцев попросил у пехоты машину. Погрузили лежачего и того, который до последнего держался за колодец. Синицын ехать сперва отказался: хотел сам доложить. Сержант подал ему кружку, он попытался пить, вода полилась по воротнику. Тогда сержант велел и ему садиться. Сам он полез в кузов последним и уселся у борта, придерживая пустые носилки, которые Рябцев просил вернуть.

Отправив раненых на пехотной машине, я вернулся к орудию. Кравцов уже ждал там. Лобанов пересчитал людей, потом подозвал меня. Я знал, сколько было выстрелов, но хотел услышать его доклад.

— Семь из девяти, — сказал он. — Осталось два у нас.

— По батарее восемнадцать, — сказал я.

— Если больше нигде не стреляли.

— Не стреляли.

У колеса стоял Белов. Лобанов сказал ему: «После первого ты на меня поглядел. Потом сам вспомнил». Белов кивнул и выдохнул так, словно только теперь отставил тяжёлое. Мы оба помолчали. Восемнадцать. Раньше, когда мне докладывали остаток, за числом шли слова про то, что ещё есть у соседей, что обещали привезти, где запрашивали. Сейчас никаких следующих слов у меня не нашлось. Семь выстрелов ушло на то, чтобы люди прошли несколько сотен шагов. По дороге наверх это превратится в одну строчку. Дозор вернулся. Понесены потери.

У борта Белов хотел подсадить Сазонова, хотя тот и сам мог влезть. Сазонов отвёл его руку, потом передумал и протянул ему сумку.

— Эту подержи.

Белов взял сумку. Когда Егор забрался, передал её наверх, поставив сапог на выступ, и остался стоять. На манжете у него прилип кусочек серой извести. Наверное, задел стену, когда бежал от дома.

— У тебя там рукавицы, — сказал Сазонов.

Белов достал обе. Одну надел, вторую долго поправлял, пока пальцы не попали куда надо.

— Справился? — спросил я Лобанова.

— С первого раза медленно, — сказал он. — Потом перестал на меня оглядываться.

Я подошёл к Зорину. Тот держал лист, на котором пехотный сержант записал восемь вышедших, включая первого посыльного. Против фамилии Тимохина оставил пустое место. Ветер пытался завернуть лист пополам, и Зорин придерживал его с обеих сторон.

— Ты сам велел прекратить? — спросил я.

— Сержант показал, что последние двое вышли. Я дошёл до орудия, уточнил у Лобанова, что он видел. Дальше ни движения, ни просьбы от пехоты. Решил, что хватит.

Я вспомнил, как в доме тянулся к окну, чтобы пролезть вперёд. Ещё минута, и выбежал бы на дорогу, начал бы искать Зорина, раздавать указания людям, которые уже знали, за чем пришли.

— Хорошо решил, — сказал я. — На обратном пути зайдёшь к Рябцеву. Уточни, куда отправили раненых.

— Увезли троих. Синицын тоже сел.

— Вот всех троих и запиши. Там у одного сержанта сегодня слишком много народу разом прошло.

Зорин убрал лист в планшет.

* * *

В лесу старшина выслушал расход, открыл ведомость и отыскал строчку. Из всех движений его карандаша мне больше всего не понравилось, как легко он вывел восьмёрку. Никакой заминки. Восемнадцать так восемнадцать. И к вечеру ещё спросят, готовы ли к немедленному действию.

Яшин доложил за оставленных людей и снова сел. Сапог распирало отёкшей ногой. На этот раз я отправил его к санитарам с Осиповым и проследил, пока они не скрылись за машинами. Когда обернулся, Белов стоял у первого. Учебную гильзу кто-то вернул на ящик. Он взял её, встал на своё новое место и повторил движение. Один раз. Потом положил гильзу и пошёл за едой.

От Красавина приехал незнакомый связной. На лошади без попоны, с пучком сена за пазухой. Он вынул из планшета бумагу, передал мне, потом вытащил сено, подал лошади с ладони. Та брала осторожно. Он дождался, пока дожует, и только тогда сказал:

— Там просили ответ сразу.

На моей заявке стояла чужая резолюция. Выделить одно орудие из собранного на ремонтном пункте имущества. Людей принять по приложенному списку. Транспорт — по осмотру на месте. На обороте Красавин написал, к кому явиться.

— До завтра оставят? — спросил Кулешов через моё плечо.

Связной посмотрел на него, будто не понял.

— Вас сегодня ждут. После темноты там машину под другое подразделение отправляют. Если ваша не придёт, вместе с ней и пушку отдадут. Там ещё с утра за ней стоят.

Кулешов взял у меня лист, перечитал резолюцию, потом долго смотрел на слово «выделить». Я знал этот его взгляд. Так он разглядывал ящик, в котором по описи должно было лежать что-то нужное. Пока крышку не подняли, сам ящик никаких надежд у старшины не вызывал.

— Кравцова зови, — сказал я.

— Он ещё не ел.

— С собой возьмёт. Ты тоже.

Кулешов отдал мне бумагу, забрал свой список нагрузок, сунул за пазуху. Кравцов на оклик отозвался сразу. Появился с хлебом в руке, дожевал на ходу и вопросительно посмотрел на меня.

— Помнишь, как Мухин сказал на мосту?

— Не дёргать.

— Вот и посмотрим, что тебе скажут, когда мы встанем в очередь за четвёртой пушкой.

Кравцов оглянулся на свою машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.